

ВЕЛИЧАЙШИЕ
НЕКРОПОЛИ
МИРА

СЕНТ-
ЖЕНЕВЬЕВ-
ДЕ-БУА

РУССКИЙ ПОГОСТ
В ПРЕДМЕСТЬЕ ПАРИЖА

Борис Михайлович Носик
Сент-Женевьев-де-Буа. Русский
погост в предместье Парижа
Серия «Величайшие некрополи мира»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6685335

Сент-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа:

Алгоритм; М.; 2014

ISBN 978-5-4438-0538-2

Аннотация

На знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа упокоились священники и царедворцы, бывшие министры и красавицы-балерины, великие князья и террористы, художники и белые генералы, прославленные герои войн и агенты ГПУ, фрейлины двора и портнихи, звезды кино и режиссеры театра, бывшие закадычные друзья и смертельные враги... Одни из них встретили приход XX века в расцвете своей русской славы, другие тогда еще не родились на свет. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Иван Бунин, Матильда Кшесинская, Шереметевы и Юсуповы, генерал Кутепов, отец Сергей Булгаков, Алексей Ремизов, Тэффи, Борис Зайцев, Серж Лифарь, Зинаида Серебрякова, Александр Галич, Андрей Тарковский, Владимир Максимов, Зинаида Шаховская, Рудольф

Нуриев... Судьба свела их вместе под березами этого островка ушедшей России во Франции, на погосте минувшего века. На страницах увлекательной книги Бориса Носика оживают многие имена великих и неизвестных с их горестями и радостями, хитросплетениями судеб...

Содержание

Вступление	5
А	27
Б	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Борис Михайлович Носик Сент-Женевьев-де- Буа. Русский погост в предместье Парижа

Вступление

Слух об удивительном кладбище под Парижем, где упокоились вдали от родных мест русские изгнанники – и писатели, и музыканты, и художники, и артисты, и великие князья, и княгини, и придворные фрейлины, и герои Белой Армии, и красавицы былых времен, слух об этом гулял по Москве еще в 60-е годы, когда и в Париж-то пускали из Москвы ред-

ко, и то за особые заслуги, по загадочному выбору или по счастливой случайности. Самому мне в ту пору вообще не доводилось еще бывать на таинственном Западе, но думалось: вот попаду – непременно съезжу в это знаменитое местечко Сент-Женевьев-де-Буа...

Теперь вот живу по большей части в деревушке в Шампани, но помню, что этот новый виток моей жизни начался для меня с московской легенды о кладбище.

Недаром говорят, кабы до нас люди не мёрли, и мы б на тот свет дороги не нашли.

Помню, как после первой моей поездки во Францию горнолыжники в Баксанском ущелье пели звездными вечерами под любительский перебор гитары моего друга Влада Чеботарева нашу с ним незамысловатую песню:

Городок неприметный Святой Женевьевы,
Не простой Женевьевы – Лесной, «де буа».
Только леса не видно за теми деревьями
И церквушкой, построенной А. Бенуа.
И березы, березы... И могилы, могилы...
И знакомые русские все имена...

К середине 80-х я уже был почти парижанин и каждый год бродил по дорожкам этого кладбища: оно ведь и правда удивительное, это кладбище, может, самый примечательный из зарубежных русских некрополей, обиталищ мертвых. Я бы даже сказал не мертвых, а просто тех, кто был до нас

(я с удовлетворением отыскал недавно в парижском кладбищенском путеводителе Жака Барози вполне точную формулировку: «кладбище заполняют бывшие живые, явившиеся на свиданье с будущими покойниками») и кто все наши радости и горести изведаль чуть раньше, чем мы. Ну а потом, изведав, ушли: «не на живот рождаемся, а на смерть». Но уход их вовсе не сделал их чужими и недоступными для нас: остались их письма, воспоминания близких, их собственные мемуары...

Бродя по дорожкам в этом редкостном для Франции безразнице (Цветаевой, бывшей здесь однажды, и небо над этими березами показалось русским, курским), мы заново переживаем перипетии их жизней, их судеб. А судьбы им выпали бурные: революции, войны, бегство, потеря близких, разоренье, разлуки, жизнь в чужом краю, где никто их не ждал с распростертыми объятьями... Но, конечно, и радости у них были, и любовь, и удача, и рождение детей, и вдохновение, и стихи...

Вход в знаменитый некрополь Сент-Женевьев-де-Буа. На этом маленьком кладбище Франции близ Парижа открывается вся история русского XX века

Есть люди, которые обходят кладбища стороной, а есть люди, которые любят бродить по кладбищам («умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего»). Я отношусь к последним, оттого с охотой принимаюсь нынче за рассказ о знаменитом русском некрополе. С охотой, и даже с таким чувством, что рассказ этот может оказаться бесполезным.

С одной стороны, он как бы приблизит к родному дому тех, кому пришлось умереть на чужбине. С другой – он и родине может напомнить о ее заброшенных на дальний край Европы детях. Заодно и нам напомним некоторые страницы русской истории и русской культуры, напомним наших собратьев из русской эмигрантской колонии Парижа, кое-какие перипетии их жизни и печальные эпизоды, предшествовавшие их изгнанию. На кладбище ведь столько сходится вместе знакомых и незнакомых людей, столько завершается драм, столько развязывается сюжетов, в какой бы путаный узел их ни завязала судьба. Прогулка по кладбищу и встречи с именами, в той или иной степени знаковыми, вызывают у нас чаще всего не мысли о смерти, а воспоминания о жизни – о чужих жизнях и о своей жизни. В предисловии к книге «Кладбища Парижа» один из французских любителей кладбищенских прогулок (журналист Мишель Дансель, неоднократно заявлявший, что предпочитает кладбища паркам, ипподромам и показам моды) высказывает ту же мысль: «Кладбище – это, прежде всего, перепутье для размышлений, наилучший уголок для прогулок, в ходе которых можно мысленно плести над чужими могилами узорное кружево собственной жизни».

Говоря о знакомых именах, которые встречаются на могильных камнях и крестах, я имею в виду, конечно, в первую очередь имена, известные и прежним эмигрантам, и нынешним россиянам. Однако это не значит, что я намерен соблю-

дать былую или новейшую «табель о рангах» и сводить нашу прогулку по кладбищу к пробежке по статьям эмигрантских энциклопедий. Самый жанр «прогулки» и самая серьезность обстановки позволяют нам пренебречь подобной «табелью о рангах». Это, кстати, подметил и упомянутый мной выше французский автор (Дансель), который предварял свою книгу следующим предупреждением: «В царстве мертвых нет логики, там царствует свобода. И если я задержусь перед какими-нибудь могилами дольше обычного, это не означает, что несчастные или, напротив, блаженные, которые лежат в них, более важны, чем прочие покойники. Так что, книга моя не должна уподобиться ни справочнику, ни докладу о былых знаменитостях, ни исчерпывающему каталогу, ни тематическому или инвентарному списку или реестру...»

Кстати сказать, инвентарный список захоронений на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа издан был в Париже (составитель Иван Грезин, издание славного Жака Феррана) – огромный том, содержащий 10 000 имен (450 страниц – и все только имена и даты). На подобную инвентарную прогулку нам, боюсь, может не хватить остатка жизни («жили сажень, а доживать – пядень»). Но все же и мы с Вами слишком-то спешить не будем. Еще у нас есть время, хотя сколько его осталось, не знаю: «никто живой предела своего не изведal». Рассказ наш о покинувших уже наш мир русских эмигрантах-парижанах волей-неволей оживит в нашей памяти тот старый русский эмигрантский Париж между войнами, ту

уникальную колонию изгнанников, равную которой вряд ли припомнишь в мировой истории изгнаний и эмиграций – и по значимости ее в родной истории, и по уровню ее, и по вкладу ее в русское и французское культурное наследие.

Как от века ведется в солидных изданиях, для начала надо обратиться к истории этого русского кладбища близ Парижа – откуда оно пошло. Известно, что кладбища – неизменный спутник человеческих поселений («жить надейся, а умирать готовься», «жил не жил – а помирай!»). И если уж при мирном городке или цветущей деревне с неизбежностью вырастают холмики могил, то что уж тогда говорить о таких человеческих общежитиях, как больница, богадельня или «старческий дом». Знаменитый русский некрополь Сент-Женевьев-де-Буа как раз и возник поначалу при здешнем старческом доме (более благозвучно его звали еще Русским домом). История же появления этого знаменитого старческого дома, она из тех историй, какие принято рассказывать под Рождество. Их и называют «рождественскими сказками»: мол, так в жизни не бывает. А вот и бывает. В данном случае именно так все и было – как в рождественской сказке. Историю я эту вычитал в воспоминаниях главы Западной Православной Церкви митрополита Евлогия, на него можно положиться. Вот она, эта история...

В первые годы эмиграции княгиня Вера Кирилловна Мещерская и ее сестра Елена Кирилловна Орлова (обе в девичестве носили фамилию Струве) открыли в поисках заработ-

ка пансион для благородных девиц. Точнее, девицы эти были скорее богатые, чем благородные (все как есть из Америки или Англии), но желали приобрести благородные манеры, прежде чем выйти замуж. Этим манерам и учили их две русские дамы из высшего русского общества. Среди пансионерок была юная дочь миллионера, которую звали Доротея, Дороти (уменьшительно Долли – Дороти Паджет, точнее, вероятно, Паджит, а у русских авторов чаще даже Педжет). Она очень привязалась к своим благородным наставницам и по окончании курса спросила Веру Кирилловну, что бы она могла такое сделать для нее лично или для этих бедных русских эмигрантов, которым приходится нелегко на чужбине, – деньги, мол, у нее есть, денег не жаль (как видите, данная девица была и впрямь существо благодарное и благородное, даром что из богатых). Вера Кирилловна сказала, что ей лично ничего не нужно – а вот нельзя ли сделать что-нибудь для престарелых русских. Молодые поручики и даже нестарые еще полковники и генералы сели за баранку такси, зарабатывают на жизнь, имеют крышу над головой, а вот старикам некуда деться. Открыть бы для них приют...

Вот дальше все и было как в рождественской сказке. Купила добросердечная американская (хотя жила она как будто в Англии) девушка великолепную старинную усадьбу в Сент-Женевьев-де-Буа, некогда роскошное владение наполеоновского маршала, – прекрасный дом с флигелями и службами, а вокруг большой парк и сад: тишина, красота,

комфорт... Бездомных и одиноких русских стариков было в Париже много, так что главное здание сразу заполнилось, а за ним и флигеля, и службы, а потом уж стали снимать квартиры у местных жителей. Юная благотворительница Долли поставила Русский дом на широкую ногу, следила, чтоб ни в чем у стареньких русских не было недостатка. Как вспоминает митрополит, «своих подопечных мисс Педжет любила, приезжала навещать, о них заботилась, их баловала. На большие праздники старалась их получше угостить, присылала авионом индеек, гусей...»

Ностальгические воспоминания иных из духовных детей владыки Евлогия о «былой, привольной, богатой жизни» вызывают у митрополита, рожденного в бедной семье многодетного батюшки в глухом селе Тульской губернии, лишь снисходительную усмешку. Недаром из всех анекдотов о жизни тогдашнего Русского дома и кладбища ему вспомнился через полтора десятилетия именно такой:

«Вопрос о происхождении, чинах и титулах играет в Русском доме роль немалую. Рассказывают следующий анекдот, характеризующий психологию призреваемых.

На местном кладбище разговаривают три старушки, выбирая себе место для вечного упокоения; заспорили об одном наиболее видном месте.

– А мой муж был губернатор...

– А мой – генерал-лейтенант...

– А мой... – начала третья старушка, и замаялась. – Кто же

был мой? Ах, запаматовала...

– Да вы же незамужняя!.. – запротестовали спутницы.

– Ах да, действительно, я не была замужем... – смущенно сказала бедная старушка».

Эпизод подводит нас к нашему предмету, а заодно и ко взглядам высокопреосвященнейшего владыки на пустой старушечий спор. Взгляд тот нашел отражение и в священных книгах, и в перлах народной мудрости: «Смерть всех поравняет», «Царь и народ – все в землю пойдет», «Сегодня полковник, завтра – покойник», и еще, и еще...

Далека ли дорога от старческого дома до места последнего упокоения? К началу Второй мировой войны на здешнем кладбище было уже около четырех сотен могил (нынче их уже за десять тысяч). И не только обитатели старческого дома поставляли новых насельников маленькому русскому кладбищу, но и многие парижане, а также русские обитатели южных и западных парижских пригородов. Митрополит Евлогий так объяснял это:

«Часто русские предпочитают хоронить своих близких в S-te Genevieve, а не на парижских кладбищах потому, что здесь постоянно творится православная молитва и как-то приятнее лежать среди своих соотечественников».

И первая (православная молитва), и вторая («лежать среди своих соотечественников») причины того предпочтения, которое отдавали русские эмигранты новому, загородному кладбищу, вполне существенны. И за границей, и в Рос-

сии кладбища (как верно отмечают в своем кладбищенском справочнике-путеводителе петербургские историки А. Кобак и Ю. Пирютко) «находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер». То, что православных тянуло на свое, православное кладбище, не нуждается в долгих объяснениях: кладбище – «нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда», и воскреснуть тоже хотелось бы не в одиночестве, а среди своих. Но и российским иноверцам, и российским атеистам (тем, кого в эмиграции, во всех странах, без различия их вероисповедания и расы, называют просто «русскими») тоже хотелось быть похороненными «среди своих соотечественников». Так что возможны были исключения (впрочем, редкие). Историки петербургских кладбищ отметили, что уже и Петр I допускал исключения для иноверцев, что ж тогда говорить о межвоенной русской эмиграции в Париже, где просвещенное духовенство отличалось высокой степенью терпимости. Что же до перешедших в православие иноверцев, то Вы и сами заметите, сколько тут немецких имен из Прибалтики (из Курляндии, Ливонии, Эстонии), сколько потомков рыцарей Тевтонского ордена и выходцев из старинной прибалтийской буржуазии, получивших дворянство на русской службе, сколько потомков Мюрата, Бурбонов, Бонапарта, потомков британцев (Лейсли, Огильви, Гамильтонов-Хомутовых, Гордонов, Кричтонов и даже Рамзеев), сколько Кауаров, де Ланжеронов... Невольно вспомнятся иностран-

ные слободы петровской Москвы (и немецкая, и голландская, и английская, и швейцарская...).

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа премного украсили и его церковь, и его березы, и его цветы. Надгробия же здесь по большей части традиционные, те же, что и на московских или петербургских кладбищах, много деревянных крестов. Надгробия побогаче заказывали чаще тому же Альберту Бенуа, что строил церковь.

Русская эмиграция пережила во Франции в 20–30-е годы истинное возрождение православной веры. Тексты из Евангелий встречаются на надгробиях чаще, чем прочие эпитафии. Среди самых распространенных: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» и еще вот это, почти изгнанническое, эмигрантское: «Блаженны изгнанные за правду...» (как на могиле моего учителя кинодраматургии – поэта, певца и драматурга Александра Галича).

Эпитафия была в России жанром заимствованным, однако успела дать образцы высокой поэзии, вроде пушкинской эпитафии младенцу Николеньке (сыну декабриста С. Г. Волконского и М. Н. Волконской-Раевской, последовавшей за мужем в Сибирь):

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Как сделали это А. Кобак и Ю. Пирютко в своей прекрасной книге о петербургских некрополях, считаю уместным напомнить читателю похоронные правила православных россиян, которые строго соблюдались в эмиграции. Умиравшего исповедовал и причащал священник, над ним читали «молитвы на разлучение души и тела». Потом омывали мертвое тело под чтение псалмов и облачали в новую одежду. В напоминание о пеленах Иисуса во гробе тело покрывали саваном, в руки покойному вкладывали образ Спасителя, а на голову ему возлагали венчик (в знак надежды на милосердие Божие). Панихиду совершали дома, а отпевали покойника в храме, куда переносили его с зажженными свечами (в знак возвращения его к Вечному Свету). В церкви гроб ставили головой к двери, чтоб лицо усопшего было обращено к востоку («к востоку вечности»). Отпевали покойного после обедни, прощались с ним «последним целованием», читали «разрешительную молитву» и текст ее вкладывали в правую руку покойника. Потом погребальная процессия тянулась к кладбищу, где гроб с молитвою опускали в могилу. Священник крестовидно бросал землю на крышку гроба, лил на нее елей, сыпал пепел от кадила. Крест на мо-

гиле был символом спасения... Поминать усопшего принято было на девятый день (когда душа вновь возносится к Богу) и на сороковой (когда душа получает определение Божьего суда). Молитва за упокой помогает умершему в загробной его судьбе. Кроме того, для поминовения усопших существуют у православных пять «родительских суббот» – перед Великим постом, во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста и, наконец, в день Святой Троицы. Существуют, впрочем, и другие дни поминовения...

Поскольку местные власти не разрешили строить церковь на самом кладбище, был прикуплен у ограды небольшой участок земли и на нем летом 1938 года началось строительство нового храма по проекту архитектора и художника Альберта Бенуа (брата знаменитого Александра Бенуа). Храм был в новгородском стиле XV – начала XVI века.

В марте 1939 года Альберт Александрович Бенуа и его жена Маргарита Александровна приступили к росписи храма. Позднее им стали помогать искусный каллиграф и знаток старославянского письма Г. А. Шереметев и другие добровольцы-художники, точнее художницы. Как сообщает митрополит, граф Шереметев поселился позднее тут же при храме «в смиренном звании псаломщика».

Освящение храма состоялось в октябре 1939 года. Шла война, и звонить в колокола было запрещено даже по случаю светлого праздника. Старенький митрополит был болен, но в тот день он почувствовал прилив бодрости и волнение, о

котором рассказывал так:

«Вхожу в храм, уже расписанный и освобожденный от лесов... «Боже, как хорошо, дивно!...» – невольно вырвалось из души. Так поражен был я красотой храма... С бодрым духом, с благоговением приступил я к освящению...

Успенский храм на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа был построен в 1939 году по проекту архитектора Альберта Бенуа в новгородском стиле XV – начала XVI веков

На душе было так легко, так светло, что на время будто забылись все угнетающие меня недуги...

Да будет благословенно имя Господне отныне и до века...»

От Успенской церкви и отправимся мы с Вами на нашу «кладбищенскую прогулку». Надо сказать, что в конце XVIII – первой трети XIX века «кладбищенские прогулки» были излюбленным литературным жанром. Однако прошло немало времени с тех пор, как милый человек Василий Андреевич Жуковский бродил между могилами. Менялись вкусы, менялись жанры. Сами люди менялись, только умирали по-прежнему...

Вот и мы будем бродить с Вами среди могил, но только уже по-своему, не по-жуковскому. Будем вспоминать ушедших как живых, как близких («рубаха к телу близка, а смерть ближе»), да и то сказать, далеко ли мы ушли, намного ли они нас опередили: «живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься»... Сам я, честно сказать, оттого и люблю гулять по кладбищу, что люди эти для меня как живые. Если вкусы у нас с Вами сходятся, то Вы мне желанный попутчик.

Как Вы уже поняли, во время этой прогулки постараюсь я,

в первую очередь, напомнить о наших соотечественниках – эмигрантах, которые здесь упокоились. И хотя далеко не все эмигранты-парижане (и тем более провинциалы) были похоронены на этом кладбище (много русских есть и на парижских кладбищах Пасси, Монпарнас, Батиньоль, Монмартр и в пригородах Нейи, Бийянкур, Медон, Шель, Ганьи, Клиши, а еще ведь есть русские могилы в Ницце, в Ментоне...), а все же кладбище это уникальное (как уникальной была сама Первая русская эмиграция). Редко где найдешь на свете клочок земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис... Блистательные десятилетия XIX столетия сплетаются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом октябрьского переворота, с десятилетиями террора – вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее столетие: погост XX века... Так уж случилось, что собралось здесь множество участников знаменитого костюмированного придворного бала 1903 года (чу, вступает музыка, кавалеры оправляют боярские костюмы, дамы – кокошники...), выпускников Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, Императорской школы правоведения, Пажеского корпуса, Екатерининского и Смольного ин-

ституты благородных девиц. Собрались, как на последний смотр, воины-галлиполийцы, корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, доблестные казаки, русские моряки. Здесь хватило бы почтенных членов Государственного совета, чтоб провести его заседание, и достало бы депутатов, чтоб открыть сессия Государственной думы. Здесь хватило бы актеров, чтоб поставить любой русский спектакль, в том числе и балетный, да и к съемкам фильма приступить возможно – упокоились под сенью этих берез гениальные режиссеры и актеры, и гримеры, и художники-декораторы, и нищие участники массовки... Хватило бы здесь ученых, чтоб создать Академию наук, хватило бы музыкантов, чтобы составить оркестр, открыть консерваторию. Достало бы протоиереев, чтоб отпеть эти жизни... Есть тут и мои русские знакомцы и сверстники. Из тех, кто был в трудные времена активнее и смелее других – кто требовал свободы при социализме, ну хоть свободы слова и творчества (Амальрик, Некрасов, Максимов, Панин, Тарковский, Галич...). И кто попал не под топор, а только в изгнание (такое бывало в России и раньше)...

На здешних надгробиях прочтешь всей России известные имена, но многие из имен Вы, уверен, услышите впервые. Имена прекрасных, милых людей. Но и другие, не прекрасные, но достойные жалости, тоже... Мало кому известные агенты всемогущей советской организации мирно упокоились здесь рядом со своими поднадзорными «белоземляками» – ведь на кладбище все спокойненько... Прости им

всем, Господи! И нас прости, сохрани...

Каждый раз, уходя после прогулки по этому кладбищу, уносил я в памяти то новую историю, то новое открытие из той жизни, казалось бы, давно знакомой...

Вот лежат русские либералы, демократы начала века, кадеты... Конечно, у них не было опыта, им было не справиться с пошедшей вразнос страной, но они ведь были идеалисты, не воровать же они шли в Думу... А сколько они потом работали в эмиграции бесплатно – вот уж где была «общественная работа»!

А все эти аристократы, фрейлины, статс-дамы, полковники... С каким достоинством они встретили бедность – сели за шитье, встали за прилавок, за ресторанный стойку, сели за баранку такси – без нытья, без попрошайничества... И обратите внимание, как недолго жили священники, как старо они выглядели – работа на износ? Как часто умирали эмигранты в тыловой Франции в 1940–1945 годах – отчего? От отчаянья? Война, война, еще война – безумный и подлый мир. И еще отчего-то умирали в 1956-м. Кто пережил эти годы, потом жили долго. Долго жили женщины, спокойно позволявшие себя любить. Долго жили люди, достигшие душевного спокойствия... А что ж эта знаменитая ностальгия, и бедность, и, главное, унижение, ущемленная гордость, не разрушали ль они душу: не оттого ли так легко вербовали здесь агентов ловцы душ из ГПУ?

И еще, конечно, ужасным было (и напрасным) это ощущение

ние своей эмигрантской маргинальности, желание прикоснуться к силе, которая брезжила где-то там, за железным занавесом, в России – не этим ли объяснялись чуть не повальная капитуляция эмигрантов в 1945-м, после войны, или их опасное «возвращенчество»?.. А взгляните, сколько иностранных имен у этих истинно русских людей – сколько же в ней кровей намешано, в молодой русской крови? И еще, и еще – сотни маленьких догадок и открытий придут Вам в голову на меланхолической нашей прогулке: у каждого будут свои...

Два слова о моих помощниках, советчиках, предшественниках при работе над книгой: всем большое спасибо, всем низкий поклон. Помогал мне замечательный герой войны Н. В. Вырубов, специалисты по генеалогии, вроде князя Д. М. Шаховского; помогли вольно-невольно и мои предшественники, вроде блаженной памяти о. Б. Старка и Реймона де Понфийи, вроде И. Грезина, Н. Струве, д-ра Шулеповой, М. Горбовой, Э. Менегальдо, Н. Смирновой; помогала милая моя семья, старые друзья и знакомые: Н. Б. Зайцева, Т. Б. Лебедева-Струве, З. А. Шаховская, Е. Д. Аржаковская-Клепинина, И. Н. Набоков, А. Шмеман, А. Кобак, Н. И. Кривошеин, Ксения Кривошеина, А. и З. Оболенские, Т. Л. Гладкова, В. Каневская, А. и Ю. Вишневские, Э. Левина, Д. В. Сеземан, Б. Татищев, М. Андроников и, конечно, незабвенная Татьяна Алексеевна Осоргина-Бакунина...

Шампань – Париж – Сент-Женевьев-де-Буа

А

АВЬЕРИНО ВЛАДИМИР,

Москва, 1903 – Париж, 1990

В 1918 году пятнадцатилетний сын петербургского адвоката Владимир Авьерино познакомился в Кисловодске со своим сверстником Александром Казем-Бекон, будущим вождем «младороссов». Это было знакомство на лучшие десятилетия жизни...

Кисловодск в то время кишел беженцами из больших городов России, среди которых выделялись великие князья Андрей Владимирович и Борис Владимирович, а также спутница князя Андрея знаменитая балерина Матильда Кшесинская с сыном.

Владимир Авьерино вместе с его друзьями Александром Казем-Бекон, Сергеем Плаутиным, Кириллом Шевичем и другими сформировали группу монархической молодежи и занимались военно-политической подготовкой под руководством генерала Шевича и двух гусарских полковников. Позднее молодые люди собрались в Париже и составили яд-

ро знаменитого союза «Молодая Россия», во главе которого встал Александр Казем-Бек. Владимир Авьерино занимал в этой партии самые разнообразные посты и выполнял вполне ответственные поручения. Так, в середине 20-х годов Авьерино был «старшиной» первого парижского «очага» младороссов и среди прочего нес ответственность за безопасность великого князя Кирилла и пансиона в Везине, который держала супруга младоросского «вождя» Светлана Казем-Бек. Согласно рассказам Авьерино, советские секретные службы и некий «Росовский» из ГПУ пытались проникнуть в среду молодежной организации, и ему, Авьерино, приходилось бороться с этими попытками...

На самом деле, подлинная история тесных взаимоотношений «главы» Казем-Бека с советской разведкой была намного сложнее, чем это представлялось простодушному соратнику «главы» В. Авьерино, который, пережив всех участников событий, в конце концов, упокоился под этим надгробием.

АГАФОНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ,

штабс-капитан,

28.07.1895–24.12.1981

Штабс-капитан В. В. Агафонов был сыном русского ученого Валериана Константиновича Агафопова (1863–1955), почвовед, географа, писателя, друга известного геохимика и минералога академика В. И. Вернадского. В 1924 году эмигрант В. К. Агафонов представил Вернадского в Париже «королю жемчуга» и «русскому Соросу» начала века знаменитому парижскому меценату Л. М. Розенталю, который, явившись в Париж из Владикавказа 14-летним мальчишкой с сотней франков в кармане, ко времени прибытия в Париж русских изгнанников из Первой волны эмиграции успел сказочно разбогатеть и осыпать благодеяниями Р. Кипплинга, Мари Кюри, С. Дягилева и многих других. 11 апреля 1922 года И. А. Бунин записал в свой дневник: «Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц». Розенталь оплачивал на летние месяцы и виллу для Бунина в Приморских Альпах.

Фонд Розенталя предоставил Вернадскому для его научных исследований 30 000 франков, что позволило ученому написать обобщающий труд. На заседаниях Фонда, обсуждавших возможности помощи, из тактических соображений присутствовал не сам Вернадский, а его друг В. К. Агафонов.

Валериан Константинович Агафонов (у которого его прославленный друг Вернадский обычно останавливался в Париже) продолжал мирно преподавать в Сорбонне, но в годы оккупации он уехал в Ниццу. Как всегда, он озабочен был не своими бедами и хворями, а судьбою тех, кто голодает, кто в лагерях, кому грозит смерть. Писатель Михаил Осоргин (нежно называвший В. К. Агафонову «Старик») сообщал приятелю в одном из писем: «В Ницце Старик с друзьями устроили маленькое «Общество взаимопомощи», собирают немножко денег... Посылают мне, чтобы обращать деньги в продукты и снабжать нуждающихся, что мы посильно выполняем. Пустяк, а молодцы. Ваш привет Старика и другим перешлю...» (М. Осоргин упоминает в том же письме и друга-поэта, тоже масона, С. А. Луцкого, который «много работает, и свехурочно, и все, что остается от содержания семьи, отдает».)

Где же, мой спутник, как не у могилы офицера-изгнанника В. В. Агафопова, вспомнить нам о добрых делах его отца, «Старика» В.К. Агафопова, щедрого мецената Л. Розенталя, писателя М. Осоргина, поэта и инженера С. Луцкого и других добрых самаритян Великой эмиграции?

АДЛЕР АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВИЧ,

1903–1945

Если верить историку Дмитрию Волкогонову, агент НКВД Марк Зборовский (кличка Тюльпан) был завербован в Париже «советским гражданином Александром Севастьяновичем Адлером». Работал «Шурик Адлер» с агентами Сергеем Эфроном (мужем М.Цветаевой) и Ариадной Эфрон. Остается только гадать, как дожил Александр Севастьянович в Париже до конца войны, спокойно ли спал по ночам, каковы были его отношения с беспечной французской разведкой и от чего умер всего 42 лет от роду. Что же до завербованного им агента Марка Зборовского, то «Тюльпан» втерся в доверие и к сыну Троцкого Седову, и к самому Троцкому, выкрал парижский архив Троцкого и отправил его в Москву, а позднее, переселившись в США, написал прочувствованный труд о жизни еврейских местечек, проник в среду русских социал-демократов, написал донос на перебежчика Виктора Кравченко, и еще, и еще... Кое-какими из этих своих подвигов Зборовский похвастал на допросе в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, но далеко не всеми. Зборовский отделался легким испугом, но самый акт его

вербовки свидетельствует о том, что похороненный здесь А. С. Адлер был способный разведчик и не зря ел свой хлеб. Имя молодого «евразийца» Шуры Адлера попадаетеся также в письмах князя Д. Святополк-Мирского, сгинувшего в ГУ-ЛАГе, как, впрочем, и сам С. Эфрон.

На этом клочке земли сошлись имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис...

Гр. АДЛЕБЕРГ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

Гатчина, 26.06.1872 – Париж, 16 округ, 20.06.1944

***Гр. АДЛЕРБЕРГ (ур. ЕГОРОВА)
ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА,***

Воронеж, 21.06.1890 – Оксер, 9.06.1963

Граф Адлеберг происходил из старинного шведского рода, подобно другим знатым шведским семьям (например, Стенбок-Ферморам) переселившегося в Россию, где графское звание Адлебергов было подтверждено указами Николая I, Александра II и Александра III. Это, впрочем, не могло служить большим утешением уланскому полковнику графу Владимиру Васильевичу Адлебергу и его супруге Любови Владимировне, когда они попали в Париж в эмиграцию: жить было не на что. Граф занялся изготовлением украшенных бахромой модных шелковых оранжевых абажуров (именно под таким прошло мое московское детство – за неимением краски в Москве их красили стрептоцидом), од-

нако в промысле своем не преуспел. Дочь воронежского помещика графиня Любовь Владимировна шила шелковое белье в одном из французских домов моды и неплохо освоила новую профессию. И тогда граф решил открыть в своей тесной квартирке в 16-м округе Парижа собственный дом моды, который специализировался на пошиве шелкового белья. Затея увенчалась успехом, и дом белья «Адлеберг» просуществовал два десятка лет, пережив (впрочем, ненадолго) и Вторую мировую войну, и смерть графа.

Русские мастерицы, жившие по соседству, в «русском» 16-м округе, брали работу на дом, а так как клиентов графине принимать было негде, то готовые изделия разносили по домам распространительницы – «пласьержки», интеллигентные русские дамы, приятные в обхождении. Дом «Адлеберг» обслуживало больше двух десятков «пласьержек».

АЙЗОВ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ,

1900–1989

Бывший кадет и бывший батюшка Владимир Карлович Айзов прожил долгую и счастливую жизнь. Из отчетов о жизни детского дома для русских детей в Монжероне можно узнать, что его жена, А.К. Айзова, в конце 60-х годов была

«образцовая медицинская сестра, знающая каждого ребенка», а ее муж не только заведовал хозяйственной частью дома, но и был «главный «украшитель» и декоратор во время всех празднеств и спектаклей». История этого детского дома заслуживает упоминания. В 1939 году хлопотами Софьи Михайловны Зёрновой и ее помощницы С. М. Лопухиной через деятельный Центр помощи русским в эмиграции 600 русских детей были отправлены на отдых в Швейцарию. И вдруг – война! Детей срочно вернули в Париж, в Центр помощи. А Париж, ждавший газовой атаки, охватила паника, к вокзалам не подступиться... Дети приехали неожиданно – где их разместить? Княгиня Вера Мещерская согласилась потеснить старческий дом в Вильмуассоне, куда и привезли детей. Там русские дети жили 15 лет (росли в дружбе, уходили с лучшими воспоминаниями, на их место приходили новые). А в 1954-м щедрая русская женщина Надежда Петровна Нобель за гроши продала Центру помощи свое поместье, где стояли в парке у реки три дома. При оборудовании новых спален для детей, комнат и салонов им присвоены были имена жертвователей и тех, кто много сил отдавал помощи в эмиграции – Л. С. и Л. А. Гаргановых, дочери Гаргановой д Агиар, композитора С. В. Рахманинова и его дочери Т. С. Конюс, матери Марии (жертвователь Д. Скобцов), княгини Вики Оболенской (на деньги «русских американцев» из Вашингтона), Б. А. Бахметьева, барона М. Ф. Шиллинга, И. И. Фондаминского, М. М. Кульман и Г. Г. Кульман. Бывший

офицер А. П. Щебляков освоил ремесло каменщика и построил в Монжероне церковь, которую расписал о. Григорий Круг... Вот в этом-то детском доме и трудились В. К. Айзов с супругой. Где ж как не у могилы В. К. Айзова упомянуть имена этих эмигрантских подвижников?

АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ),

***преосвященный епископ, настоятель
Знаменского прихода в Париже,***

7.10.1890–16.05.1979

В 1925 году будущий епископ, внук знаменитого русского путешественника и географа, исследователя Средней Азии, эмигрировал во Францию, где окончил Богословский институт (на Сергиевском подворье в Париже), был рукоположен в конце войны в священники, а в 1971 году возведен в сан епископа. Он явился составителем молитвенника и катехизиса, а также автором биографии Иоанна Кронштадтского.

**АЛЕКСАНДРОВИЧ
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ,**

артист Петербургского Мариинского театра,

26.09.1879–19.02.1959

Воспитание молодежи считало одной из главных своих задач Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД). Именно в рамках этого движения в конце 40-х и начале 50-х знаменитый певец былой Мариинки А.Д. Александрович создал свою «Молодую оперу». Он сумел привить многим русским подросткам любовь к русской классике и фольклору. Его «Молодая опера» с успехом показала на парижской сцене отрывки из «Жизни за царя», «Демона», «Русалки», «Евгения Онегина». В хоре «Молодой оперы» пело до сорока русских подростков в театральных костюмах.

АЛЕКСИНСКИЙ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

бывший депутат Думы, 16.09.1879–4.10.1967

Г.А. Алексинский был социал-демократом, даже большевиком, но 4 июля 1917 года он имел смелость выступить с заявлением о том, что Ленин получил (для антивоенной пропаганды в России) деньги от немецкого Генерального штаба, так что в мае 1919-го Алексинскому пришлось, спасая жизнь, срочно бежать с семьей за границу. После захвата власти большевики позаботились о том, чтобы банковские документы, свидетельствующие о получении Лениным «немецких денег», были изъяты из архива, а беглого Г. Алексинского они судили заочно (известным своим приемом подверстав к какому-то «делу о тактическом центре») и объявили его за обнародование ленинских финансовых тайн «врагом народа». В Париже Г. Алексинский активно сотрудничал в эмигрантской прессе и даже издавал одно время свой еженедельник.

***АЛЕКСИНСКАЯ-ЕВТИХИЕВА
ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,***

13.10.1886–20.10.1968

Супруга Григория Алексеевича Алексинского Татьяна Ивановна и сама была активной социал-демократкой и примыкала к группе Плеханова «Единство».

После того как муж ее разоблачил связь Ленина с немецким Генштабом (после Первой мировой войны достоверность этих разоблачений подтвердили генерал Людендорф и немецкий социал-демократ Бернштейн, а после Второй мировой войны – преданные гласности документы из архива немецкого МИД), ей пришлось немало натерпеться страху, прежде чем она уговорила мужа бежать за границу.

АМАЛЬРИК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

12.05.1938–11.11.1980

Уже студентом истфака в Московском университете молодой Андрей Амальрик имел собственные мысли по всем

вопросам, в частности по изучаемым им проблемам истории, например, по поводу роли норманнов в истории Киевской Руси. Эти мысли он изложил в своей дипломной работе, за что и был выгнан из университета. Так 25-летний Андрей Амальрик стал «диссидентом» и «правозащитником», за что приговорен был для начала к двум годам ссылки в Сибирь. Вернувшись из ссылки, Амальрик написал книгу «Нежеланное путешествие в Сибирь», а в 1969 году и поистине пророческую книгу «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?». Пророческий роман Джорджа Оруэлла описывал социализм 1984 года. Оптимист Андрей Амальрик за 15 лет до предсказанной Оруэллом даты высказал сомнение в том, что «казарменный социализм» протянет еще так долго. Амальрик угадал с точностью до месяца (в 1984 году Горбачев приступил к «перестроечному» спасению системы, в результате которого она рухнула).

В Париже француженку грузинского происхождения Элен Каррер д'Анкос за подобные прогнозы (сделанные, впрочем, позже) избрали во Французскую академию. В Москве писателя Андрея Амальрика за те же прогнозы сослали в Магаданскую область. Он вернулся в 1975-м, ему было уже 37 лет. Власти предложили ему уехать. Он медлил, участвуя в организации Хельсинской группы в Москве. Позднее, за рубежом, он стал ее представителем. Эмигрировал он в 1976-м, жил в изгнании (в Голландии, США, Швейцарии и Франции), но продолжал писать и выступать: доказывал, что рус-

ские не хуже прочих европейцев и имеют право на свободу. Амальрик написал пять пьес и книгу «Записки диссидента», вышедшую во Франции в 1980 году. В тот же год он отправился на международную конференцию по вопросам сотрудничества в Европе и на испанской дороге погиб «в результате несчастного случая». В том, что гибель молодого, талантливое и бесстрашное русское «правозащитника» была несчастьем для его страны, нет сомнений.

АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ,

21.05.1899–9.10.1980

Скрипач Алексей Андреев был в пору своей петербургской юности одним из самых многообещающих учеников знаменитого Леопольда Ауэра. Девятнадцати лет от роду ему пришлось покинуть Россию. Алексей Романович преподавал музыку, был профессором Русской консерватории, а одно время и ее директором. Музыка считалась в Европе «русской профессией», и у русских преподавателей был высокий престиж.

А. Р. Андреев активно участвовал в культурной жизни русской эмиграции (которая была не просто активной, а, можно сказать, бурной), был членом правления Русского му-

зыкального общества.

АНДРЕЕВ ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ,

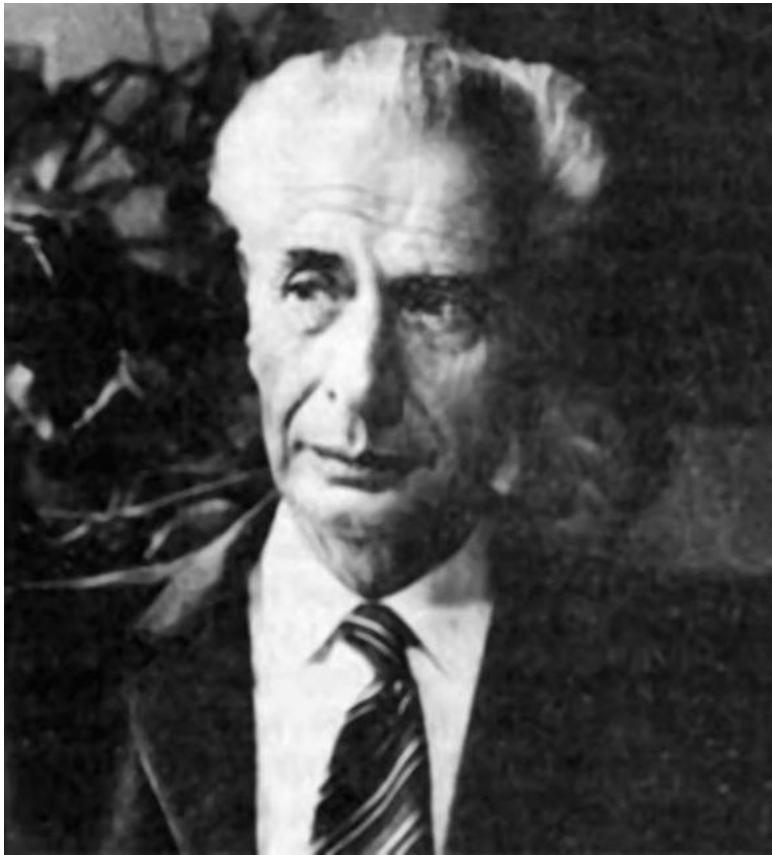
1903–1976

Вадим Андреев был старшим сыном знаменитого русского писателя Леонида Андреева. Он рано потерял мать, а достигнув шестнадцати лет, потерял и отца.

После революции Вадим жил в отцом на даче в Финляндии, которая оказалась отрезанной от России, учился в Русской гимназии в Гельсингфорсе, семнадцати лет ушел воевать против красных, потом учился в лицее в Константинополе и на философском факультете в Берлине.

В 1924 году Вадим Андреев перебирается в Париж, в Сорбонну. Он учится, работает, общается с молодыми поэтами «незамеченного поколения», а также с Ремизовым и Цветаевой, участвует в создании Союза молодых поэтов и писателей, часто выступает на литературных вечерах, пишет стихи, женится на Ольге Федоровой-Черновой, приемной дочери знаменитого эсеровского лидера Виктора Чернова и Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой. Еще в Берлине Вадим Андреев стал сотрудничать в просоветском «Накануне», в Париже он тоже находился по большей части в окружении

левых – бывших эсеров, левых евразийцев, либеральных масонов. Он и сам был, впрочем, активным членом масонской ложи «Северная звезда». Во время войны и оккупации, оказавшись с другими русскими дачниками на острове Олерон, он сближается с французским Сопротивлением и с коммунистами, а после окончания войны получает советский паспорт и работает в то ли просоветской, то ли уже просто советской газете. Близкий к цветаевско-эфроновской и черновской семье молодой Андреев трогательно мечтает о Донбассе, Кузбассе и таинственных «беломорканалах», воспетых коммунистом Луи Арагоном. На его счастье, он уехал после войны не на Беломорканал, а в Нью-Йорк, на престижную переводческую работу в ООН (без благосклонности всемогущей Родины на такую работу было не попасть на Западе). Так что в Советскую Россию, о которой он столько написал, Вадим Андреев попал впервые лишь в годы «оттепели», в 1957-м. Вдобавок Вадим Андреев встретил в России своего младшего брата Даниила, издевавшего к тому времени и лагеря, и ссылку. В общем, «осуществив мечту», Вадим Андреев уезжает на работу не в Кузбасс-Донбас, а в Женеву, хотя еще продолжает писать про «беломорканал», куда он попал лишь через сорок лет после первых восторгов, чтоб написать вполне неожиданные стихи о путешествии по знаменитому каналу:

Старший сын знаменитого русского писателя Леонида Андреева, поэт и прозаик Вадим Андреев умер в Женеве. Но его прах был перевезен на кладбище Сент-

Стоят залитые водой леса –
Парад стволов, парад слепых скелетов,
Их руки-ветви вздеты к небесам,
Но мир молчит, и в небе нет ответа.
А там, где оторвался слой коры
И тускло обнажилась древесина, –
Лишь присмотрись – лицо твоей сестры
Иль без вести исчезнувшего сына,
Отца, быть может, брата. Ты пойми
Тех глаз посмертную, скупую муку
И на прощание рукой возьми,
Живой рукой – безлиственную руку...

Вадим Андреев взялся тайно провезти на Запад рукопись самого страшного тогдашнего врага коммунизма – Александра Солженицына. Помогали Солженицыну переправлять рукописи на Запад и дети Вадима Андреева.

Вел. Кн. АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

15.05.1879-30.10.1956

Из трех царственных поклонников балерины Матильды

(Марии) Феликсовны Кшесинской внук Александра II и племянник Александра III великий князь Андрей Владимирович оказался самым верным и последовательным, ибо в эмиграции он сочетался законным браком и прожил с ней до конца своих дней.

Андрей Владимирович изучал право и среди Романовых слыл за «семейного юриста». Октябрь застал его в Кисловодске, а в начале 1920 года отплыл из Новороссийска во Францию вместе с великой княгиней Марией Павловной, своей матерью, и будущей женой, балериной Кшесинской (они обвенчались год спустя в Каннах).

АНДРОНИКОВА (урожд. ВАХТЕР)

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА, 7.10.1890–25.8.1938

АНДРОНИКОВ КОНСТАНТИН ЯСЕЕВИЧ,

16.10.1916–12.9.1992

АНДРОНИКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

14.4.1924–28.9.1983

АНДРОНИКОВ МАНУИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ,

10.9.1947–15.9.1995

С Константином Ясеевичем Андрониковым я познакоми-

мился в Париже вскоре после смерти его жены Натальи Александровны (урожденной де Курис). Князь жил неподалеку от меня, в 15-м округе Парижа, на тихой улице Розенвальд, вместе с семьей сына. Квартира выходила в собственный дворик, где о чем-то ворковали голуби и шелестела листвою береза. День выдался жаркий. Худой, моложавый в свои 70 с лишним князь предложил угостить меня чаем. Но вопреки моему ожиданию чай мы пили не из самовара, а из холодильника – ледяной итальянский чай. Тогда-то я и вспомнил, что вся жизнь князя Константина Андроникова прошла на Западе, по большей части в Париже, но и в Англии, и в Италии тоже – в странствиях и в служебных поездках. Князь Константин Андроников был личным переводчиком и генерала де Голля, и Помпиду, и Жискара д'Эстена, работал в Министерстве иностранных дел, ездил по свету – в том числе и в Москву, был кавалером ордена Почетного легиона, а когда получил право на пенсию, то занялся любимым делом – переводом русских богословских трудов на французский язык. Начал он с трудов Флоренского, а в пору моего первого визита уже была в доме целая полка переводных томов – и Бердяев, и С. Булгаков, и В. Зеньковский....

Князь был неплохо подготовлен к переводческим трудам. В юности он часто ездил в гости в Лондон, к своей тетке – старшей сестре Яссы Ивановича, знаменитой некогда петербургской красавице, воспетой Мандельштамом, – Саломее Андрониковой (как это ни грустно признавать, в пере-

зрелые годы красавица была влюблена... в Сталина). Позднее он окончил Русский богословский институт на Сергиевском подворье и добрых четверть века преподавал в институте литургическое богословие и методологию.

Б

БАЙКОВ ГЛЕБ АРКАДЬЕВИЧ,

13-го гусарского Нарвского полка ротмистр,

11.04.1895–10.04.1969

Добравшись с женою до Парижа, отставной гусар Глеб Байков не пал духом. Как и другие русские офицеры, он брался за любую работу и даже ухитрился при этом получить высшее медицинское образование. Его жена Оксана устроилась завскладом в дом моды Ларисы Бейлиной «Лор Белен», где всем заправляла тогда бывшая балерина Тамара Гамзакурдия (во втором браке – де Коби). Глеб Байков тоже работал одно время в этом доме моды шофером, пока не выучился на врача. Позднее он даже лечил строгую директрису дома моды.

БАКСТ АНДРЕЙ,

21.09.1907–8.02.1972

Первое и, наверное, самое трогательное живописное изображение Андрея Бакста появилось в 1908 году. Это была акварель «Портрет Андрюши Бакста», написанная его отцом, прославленным дягилевским декоратором Львом Бакстом. Матерью Андрея была Любовь Гриценко, бывшая жена художника Н. Гриценко. Андрею было всего три года, когда Лев Бакст и Любовь Гриценко разошлись. В 1921 году Л. Гриценко с сыном выехала из России и поселилась в Италии. Л. Бакст высылал им пособие.

После смерти матери Андрей, который тоже стал художником, переехал в Париж. Отца уже не было в живых. При жизни отца хорошие отношения у него с сыном так и не сложились. Во всяком случае, Андрей почти не унаследовал бесценных работ отца, но зато получил ателье на улице Лористон (в 16-м округе Парижа).

Двадцати семи лет от роду осиротевший Андрей женился на прелестной сиротке Ольге Мае. Брак их длился недолго: характеры были у них непростые. В начале войны Ольга, жившая в Ницце, стала участницей Сопротивления. Она

и ее друзья, рискуя жизнью, прятали обреченных евреев и спасли немало жизней. В старости Ольга получила письмо из иерусалимского института Яд Вашем о том, что она причислена к праведницам мира (одной из двух тысяч французов, которые в войну спасали евреев). «Она была странное, удивительное существо, – рассказывал мне об Ольге художник Алексей Оболенский, у родителей которого она снимала комнату в Ла Фавьере. – Любила поэзию и переводила на французский русские стихи. По собственной инициативе перевела на французский язык толстенный том мемуаров моего деда Владимира Оболенского. Она обожала музыку, курила без конца, небрежно разбрасывала окурки в постели, от чего не раз загоралось ее одеяло...» Алексей Оболенский захоронил ее прах в могиле своих родителей, с которыми она дружила, на прекрасном кладбище городка Борм-ле-Мимо-за...

В Париже молодой сын Л. Бакста дружил с К. Сомовым и многими другими эмигрантами.

Он работал в кино и в театре как художник по декорациям. Его макеты воспроизведены были в престижных французских журналах. Он был художником на таких фильмах, как «Милый друг» режиссера Луи Дакена (по Мопассану), «Ночные красавицы» Рене Клера, на знаменитом «Мишеле Строгове», на «Тиле Уленшпигеле», и еще, и еще...

В 60-е годы Андрей Бакст не раз приезжал в Россию. Он передал в дар Третьяковской галерее архив своего знаме-

нитого отца, а Русскому музею подарил картину Л. Бакста «Древний ужас» и альбом его греческих зарисовок.

Он соединился с покойным отцом на парижской выставке, посвященной Льву Баксту, Андрею Баксту и Жоржу Ландриу. Это произошло всего за несколько месяцев до его смерти.

БАКУНИН АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ,

10.04.1871–1945

***БАКУНИНА ЭМИЛИЯ
НИКОЛАЕВНА (урожд. ЛОПАТИНА),***

1875–1960

БАКУНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА

(1904–1995)

БАКУНИНА НАТАЛЬЯ,

ум. в 1991 г.

самом Премухине под Торжком, где просвещенный Александр Михайлович Бакунин растил своих многочисленных сыновей (среди которых был будущий бунтарь Михаил Бакунин) и дочек (в которых по очереди влюблялись Станкевич, Белинский, Боткин, Тургенев), где Михаил Бакунин в табачном дыму проповедовал во флигеле фихтеанство, а потом и гегельянство (не успев толком дочитать ни Фихте, ни Гегеля)... Полвека спустя в Премухине родилась у Алексея Ильича Бакунина и его жены Эмилии Николаевны (урожденной Лопатиной, со знаменитым Германом Лопатиным она была в родстве) дочь Татьяна. Супруги были врачи, в Москве у них была своя больница (Бакунинская). В больнице этой умер патриарх Тихон, никуда не могли его устроить, и Бакунины взяли его к себе, хоть и были, скорее, антиклерикалы, «антицерковники». Поскольку умер патриарх своей смертью, а супруги Бакунины даже пытались вылечить этого опасного человека, сеявшего «опиум среди народа», им пришлось бежать за границу, спасаясь от гнева большевиков. За границей они продолжали лечить соотечественников, а Эмилия Николаевна была одно время врачом в Русском доме.

Юная дочь Алексея Ильича и Эмилии Николаевны Татьяна до эмиграции изучала русскую историю в Московском университете, а в Париже писала диссертацию о русском XVIII веке и благородном русском масонстве. Мало-помалу ей раскрылось, какой великой школой нравственного воспитания было русское масонство, привлекавшее в свои ряды

все, что было самого высшего в России (Суворова, Кутузова, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, самые звучные имена российского дворянства, русских императоров). Вероятно, углублению интереса Татьяны Бакуниной к русскому масонству способствовало и то, что в Париже она вышла замуж за благородного масона, прекрасного русского писателя, истинного «джентльмена эмиграции» Михаила Осоргина, прожила с ним долгие годы в счастливом браке и, закрыв ему глаза в 1942 году, в «свободной зоне», еще более полувека была верна его памяти. В эмиграции она продолжала научную работу, выпустила «Словарь русских масонов», две популярные книжки о русском масонстве и была инициатором серии бесценных библиографий эмигрантских писателей. Она много лет работала в Национальной библиотеке Франции и преподавала в «Эколь нормаль сюпериор» в Сен-Клу.

Мне посчастливилось удостоиться ее дружбы в последние десять лет ее жизни. Я присутствовал на ее похоронах, и мне показалось, что там не было равнодушных... Позднее я выплакал свою горе в очерке «Не надо цветов Татьяне» (Русские тайны Парижа. СПб.: Золотой век, 1998): не зная масонских обычаев, я единственный явился в крематорий с цветами. Искренне надеюсь, что она простила мне мое невежество, как прощала бесчисленные огрехи в моих писаниях, которые читала терпеливо и благожелательно.

Лев Бакст

Портрет Андрюши Бакста. Акварель

Помню, как на похоронах Татьяны Осоргиной-Бакуниной на Сент-Женевьев одна из бывших ее студенток читала над раскрытой могилой тексты ее мужа Михаила Осоргина. Мне тогда хотелось над могилой Бакуниных прочесть грустный отрывок из письма, написанного Михаилом Осоргиным в войну, за год до смерти своему другу и тестю Алексею Ильи-

чу Бакунину: «Невеселым рисуется мне будущее, да и не для нас оно... Не будет и нашей России, только останется земля, на которой она была в период нашей жизни. Уже ничего не остается от прежней культуры, новое, что народится, нам заранее чуждо. И я не знаю, чего России желать, совершенно не знаю. Обидно и тяжело видеть ее сломанной чужой, железной силой, хочется эту силу видеть взорванной и рассыпавшейся, отмщения хочется, но все это — область личных ощущений, и я не уверен, что нужно этому колоссу оставаться целой глыбой: может, лучше ему рассыпаться и стать кусочной страной народов и инородцев, имевших недолгую общую историю... А наш потомок, которому придется неизмеримо солонее нашего, скажет: «Господи, из-за каких пустяков они волновались! Из-за бомб, от которых можно было спрятаться под землю. Из-за сумасшедшего, который испоганил только часть земли и только на десяток лет. А вот пожили бы в мое время, в его роковые минуты».

**БАЛАШОВА-УШКОВА
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА,**

балерина Московских Императорских театров,

1887–1979

В 1921 году, когда эта божественная москвичка приехала в эмиграцию, ей поздно было начинать парижскую карьеру. И все же она еще танцевала – чаще на бесплатных благотворительных концертах. На жизнь она зарабатывала уроками: открыла свою балетную школу. Их было уже несколько в Париже. Не только французы, но и бедные русские посылали в них своих девочек: балерина – это была русская профессия (Дягилев успел убедить в этом Францию и весь мир). Нелегкая, конечно, профессия: открытая миру воздушность, скрытые от мира кровавые мозоли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.